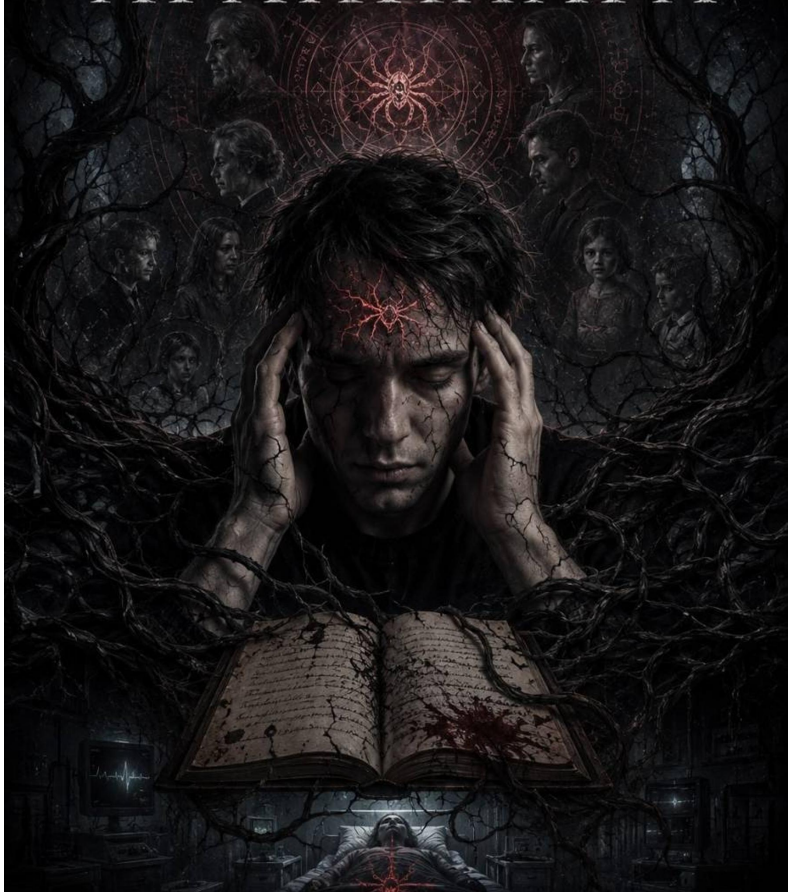

АЛЁНА ДМИТРИЕВА

УЗЕЛ АРАХНАРА

Алёна Дмитриева

Узел Арахнаара: Искупление рода

<https://litres.ru/74297114>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация:

Седьмой станет искуплением рода.

Так было. Так есть. Так будет всегда.

До двадцатилетия Артёма всего несколько недель, и видения становятся всё реальнее. Они шепчут ему имя древнего договора. Врачи фиксируют редкое генетическое заболевание, но появление тёмной сущности с пульсирующим узором на лбу полностью ломает медицинские протоколы. Что это — сбой нервной системы или родовое проклятие?

Линия между диагнозом и проклятием стирается. И время на исходе.

Паралич во сне. Кровь на страницах семейного дневника. Реанимация. И выбор прост: принять удар на себя или передать его следующему потомку.

Эта история о том, что мы передаем детям. О наследии, которое в крови. И ОНО помнит то, что разум стёр.

Алёна Дмитриева

Узел Арахнаара: Искупление рода

Узел Арахнаара: Искупление рода.

Пролог

Я Арахнаар — твоя погибель. И я чувствую, как бьётся твоё сердце. Оно будто зверь, загнанный в ловушку, бьётся слишком часто, громко, колотится о рёбра, и ты внемлешь, как они трещат, как старые ветки под ногой, готовые сломаться. Это стон твоей слабости.

Ты думаешь, страх это только дрожь в коленях? О, нет! Это пот, выступающий на лице — холодный и противный, он заливает глаза, стекая ледяными струйками по лбу, мешая узреть то, что надвигается из тьмы. Это волосы, встающие дыбом на руках — ты чувствуешь, как они шевелятся, будто черви под кожей, предвещающая опасность. Это слюна, которая становится горькой, когда глотаешь — ты давишься ею, задыхаешься. Это зловоние тлена и сырости, бьющее в ноздри, словно сама земля гниёт рядом с тобой, испуская последний выдох. Это биение крови в висках, глухое и ровное, как удары погребального колокола, отсчитывающего последние

мгновения твоей свободы.

Седьмой рода станет искуплением, как случалось прежде и случится вновь. Договор уже вьелся в твою кровь — как яд, проник в неё чёрными нитями, и плоть помнит то, что разум стёр. Я ощупываю нити твоёго сознания холодными пальцами, выискиваю слабые места, где ткань воли уже истончилась. И ты приступишь не по своей воле — твои ноги поволокут тебя, как сломанную куклу, чьи суставы скрипят на каждом шаге, а сознание всё ещё пытается ухватиться за реальность, утекающую, подобно песку в часах вечности.

Тьма — не место, откуда я прихожу. Я и есть тьма. Мой шёпот проник в твой разум — он шепчет там, где рождается первобытный страх. Мой голос теперь — часть тебя. Он будет раздаваться, даже когда ты умолкнешь, отдаваясь эхом в пустой голове, словно голоса давно умерших предков, проклинаящих тебя за то, что ты ещё жив.

Ты видишь тени? Это мои пальцы на твоих глазах — они не просто закрывают свет, они втирают тьму в твои веки, вытесняя тепло твоей жизни, заменяя его тяжестью вечно-го мрака, от которого не избавиться. Ты задыхаешься? Это я вытягиваю воздух из лёгких — медленно, тягуче, упиваясь твоим отчаянием, чувствуя, как последний вздох дрожит на твоих губах. Ты не можешь двигаться? Это я сковываю твоё тело невидимыми цепями, холодными, как могильный камень, и ты чувствуешь, как мышцы деревенеют, как кожа становится чужой, как дыхание больше не принадлежит те-

бе.

Ты помышляешь, что можешь сбежать? Но нити, которыми я опутываю твою волю, скользкие и упругие, как паучьи шёлковые тросы, пропитанные ядом, сковывают каждое движение. Попытка вырваться лишь заставляет их сжиматься сильнее, впиваясь в кожу, оставляя следы, которые превратятся в новые шрамы. Они чувствуют твой страх, питаются им, растут вместе с ним. Чем отчаяннее борьба, тем крепче путы. Не в твоей власти отказаться: тебе суждено избрать, принять судьбу или заставить других заплатить за тебя. Их жизни станут ценой твоего существования. И если же упорствуешь в иллюзии выбора... какой путь ты выберёшь?

Глава 1

Воздух в кабинете врача сопротивлялся каждому вдоху Артёма — проникал рывками, с хрипом и свистом, как будто кто-то управлял дыханием извне. Артём ощутил, как незримая петля стягивает горло, преграждая путь кислороду. Его пальцы, покрытые мелкими шрамами от старой привычки грызть ногти, судорожно вцепились в воротник, рванули его вниз — не помогло. Ладони скользнули по шее: кожа была холодной, но под пальцами билась жилка, отсчитывая удары, отдаваясь в висках глухим набатом.

«Что происходит?!» — вспыхнула у него в голове паническая мысль. Артём попытался сосредоточиться: вдох — вы-

дох, вдох — выдох. Он сжал кулаки, впиваясь ногтями в ладони до боли, напряг грудь, резко вдохнул и лишь тогда смог втянуть в себя жалкий глоток.

Запах спирта ударил ему в ноздри, смешиваясь с затхлостью, что исходила от стен, будто она просочилась в комнату и пропитал всё кругом. Чёрные точки заплясали перед глазами, затягивая края зрения в тёмную воронку. Оставался лишь узкий туннель, где реальность дробилась на фрагменты. «Дыши! Дыши!» — приказывал Артём себе, но его лёгкие отказывались подчиняться, сдавленные невидимой силой. В ушах зазвучал отдалённый звон, казалось где-то далеко били в колокол — раз в несколько секунд.

От страха он резко вскочил с кушетки, с грохотом опрокинув рядом стоящий стул. Его взгляд метался по кабинету, выискивая выход.

Артём уставился на стену, всмотрелся в неё. Сначала он разглядел, как дрожат контуры плакатов — едва заметно, в такт ударам сердца. Потом цифры в углах таблиц будто ожили: некоторые стекали по бумаге, уползая вниз и исчезая из поля зрения, а другие, словно притянутые невидимым магнитом, выстраивались в замкнутую цепь — три, пять, семь. Они мерцали, пульсировали, затягивали взгляд, гипнотизировали, манили погрузиться в их странный, пугающий порядок. Между цифрами бежали тонкие трещины, разрастаясь за секунды в паутину разломов.

Боковым зрением Артём выхватил у двери тёмный силу-

эт. Контур его дрогнул, исказился, будто воздух над ним колыхался, как над костром. Он моргнул, отгоняя наваждение, попытался высмотреть детали — но силуэт расплывался, менял очертания, то вытягиваясь, то сжимаясь.

— Просто нервы... — прошептал Артём себе. Голос прозвучал глухо, едва слышно, потерялся в пространстве.

За спиной закрипел пол, словно кто-то подошёл сзади. Внезапно Артём почувствовал резкое покалывание в затылке — как если бы тонкая игла пронзила кожу. Он ощутил, как по позвоночнику скатился холодный пот, по спине пробежал холодок, а волосы на затылке встали дыбом.

Он вздрогнул и резко обернулся — никого, только его дыхание, сбивчивое и неровное, и тихий, почти неуловимый скрежет: кто-то медленно провёл ногтем по стене за его спиной. Но когда Артём снова обернулся, нечто уже стояло прямо перед ним, заслоняя выход, отбрасывая длинные, изломанные тени на стены. Ноги у Артёма налились тяжестью, точно вросли в линолеум, и пригвоздили его к месту. Внутренний импульс пронзил сознание: «Беги!»

Лампа мигнула на столе — раз, другой, подавая какой-то зловещий сигнал. Нечто в капюшоне наклонилось к нему, потянулось, извиваясь, как живое существо, сотканное из сумрака и страха. Серое лицо нависло в сантиметре от его глаз — на лбу у существа проступал пульсирующий красный узор, казалось, кровь сочилась сквозь кожу. Зрачков у него не было, лишь тусклый серый свет, холодный и безжизнен-

ный, как пепел остывшего костра в глубине глазниц.

Воздух, пропитанный зловонием разлагающейся материи, вошёл в лёгкие и застыл там удушливой массой. Сам кабинет начал распадаться на части, выпадал из реальности. Артём не мог двигаться — застыл, скованный ужасом. Сердце его на мгновение замерло, а затем забилося с такой силой, будто вот-вот вырвется из груди, разорвёт плоть и кости, чтобы выскочить на волю. Артём закрыл глаза, пытаясь отгородиться от разваливающейся реальности: «Спокойно. Считай до пяти» — эта мантра всегда помогала ему ещё со школы, когда отец напивался и начинал орать, а он, испуганный, прятался под стол.

Внезапный шёпот проник в его сознание — глухой, давящий, он точно прорывался сквозь барьер реальности, проникал в самые глубины разума, оставляя в нём след.

— Седьмой узел... — услышал он у себя в голове.

В ту же секунду щёлкнул дверной замок. Артём резко открыл глаза и судорожно вдохнул — воздух вдруг стал почти стерильным. Образ в капюшоне исчез. В кабинет вошёл врач в белом халате и папкой в руках. Он огляделся, нахмурился, казалось, уловив что-то незримое в атмосфере, какое-то напряжение, висевшее в воздухе.

— Вы в порядке, Артём? — голос врача прозвучал слишком обыденно, слишком спокойно, контрастируя с ужасом, бушевавшим внутри Артёма.

Артём моргнул, пытаясь прийти в себя. Он постарался

сфокусировать зрение и слух, собрать волю в кулак — ухватиться за реальность. Мир вокруг медленно обрёл чёткость: опрокинутый рядом стул, запах спирта, режущий ноздри, лампа на столе, мерцающая ровным светом. Цифры на плакатах больше не двигались, застыли на месте. Он сглотнул, на мгновение замер, пытаясь унять дрожь в руках, и хрипло ответил:

— Да... всё в порядке. Просто... голова болит.

Врач прищурился, изучающе посмотрел на него, провёл рукой по папке, решая, стоит ли задавать следующий вопрос. Затем кивнул и сделал шаг к столу.

— Хорошо. Получил результаты обследования. Давайте продолжим.

Врач сел за стол, открыл папку. Его пальцы пробежались по снимкам — медленно, методично, проверяя каждый на ощупь.

— Артём Николаевич, — врач не поднимал глаз от снимков, его голос звучал ровно и профессионально, — МРТ показывает компрессию корешков. ЭЭГ зафиксировала пароксизмальную активность в височных долях.

— Что это значит? — подняв стул и усевшись на него, хрипло спросил Артём.

— Это говорит о нарушении проводимости нервных импульсов. Возможно, причина ваших симптомов — сдавливание нервных окончаний в шейном отделе. Плюс — повышенная возбудимость в височной зоне. Отсюда могут идти и

зрительные, и слуховые искажения.

Артём вспомнил мёртвый взгляд без зрачков, запах гнили, укол в затылке. Всё было слишком реальным. Но врач говорил так уверенно...

— Искажения? — настороженно спросил Артём. — Вы имеете в виду... галлюцинации?

— Не обязательно. Мозг — сложная система. Когда нарушается работа одного участка, другие начинают компенсировать. Это может проявляться в виде странных ощущений, вспышек перед глазами, посторонних звуков.

— Но... это не опасно? — с тревогой уточнил Артём.

— Сейчас нет. Но оставлять без внимания нельзя. Я пропишу вам курс препаратов для стабилизации нервной системы. И назначу повторный приём через две недели. Проведём контрольное обследование.

— А если станет хуже? — Артём сглотнул, стараясь говорить ровно.

— Если появятся новые симптомы или усилятся головокружение, головная боль, нарушение координации — сразу вызывайте скорую. Не ждите, — произнёс врач, протягивая бланк.

Артём кивнул, но взять бумагу не успел.

Внезапно в кабинете прозвучал удар колокола — низко, гулко. Раз... другой... Звук заполнил всё пространство, вытеснив остальные шумы. И в тот момент, когда второй удар затих, на стекле шкафа с бумагами на мгновение проступил

узор — красный, пульсирующий, похожий на тот, что Артём видел на лбу существа.

— С вами всё в порядке? Вы как-то побледнели, — нахмурился врач, заметив, как дрожат руки Артёма.

— Ничего, — выдавил Артём. — Просто... на мгновение душно стало.

— Распишитесь здесь. — Врач указал на строку, явно не замечая звона. — Здесь все рекомендации. Если будут вопросы, звоните в клинику. Мы на связи.

— Спасибо. — Артём глубоко вдохнул, пытаясь унять дрожь в голосе.

Он встал и сделал шаг к выходу, но остановился в дверях, обернулся, ещё раз посмотрел на врача.

— Точно ничего серьёзного?

На мгновение свет в кабинете дрогнул — лампы мигнули, отбрасывая тени не в ту сторону. Артём замер: на стене за спиной врача проступил тёмный силуэт, вытянутый и неестественно тонкий. Но когда он моргнул, всё вернулось на место — свет горел ровно, а силуэт исчез. Врач снова ничего не заметил.

— Пока нет. Но вы должны быть внимательны к своему состоянию. Это главное.

Артём кивнул и быстро вышел в коридор. Дверь за ним бесшумно закрылась, отдаляя его от кабинета, врача и всего, что только что произошло.

Он медленно пошёл по длинному больничному коридо-

ру, с трудом переставляя ноги. Плечи у него опустились под невидимой тяжестью, спина ссутулилась, он пытался укрыться от чего-то, что следовало по пятам.

«Искажения...» — слово отдавалось эхом где-то внутри его головы. Но ощущения Артёму казались такими реальными. «Возможно, это всего лишь плод воображения...». Мысль звучала логично, но противоречила тому, что он чувствовал. Артём потрогал затылок там, где ощутил укол. Не было ни следа: «Может, он прав? Может, это просто сбой в голове?»

На улице Артём остановился, вдохнул холодный воздух — запах сырости и выхлопных газов немного отрезвил, но головокружение не прошло. Он достал телефон, машинально проверил уведомления. Несколько пропущенных и среди них один от соседки отца.

«Опять она... — мелькнуло в его голове. Перезвоню позже», — подумал он с раздражением и вызвал такси, вслушиваясь в далёкий гул города, который с каждым днём казался ему всё более чужим и враждебным.

Дорога домой для него превратилась в размытую череду образов: мелькание уличных фонарей за окном, их жёлтые отблески на мокром стекле, гул мотора, обрывки разговора водителя о пробках и погоде. Артём почти не реагировал — смотрел, уставившись в одну точку, погружившись в воспоминания. Он думал о том, как в детстве мечтал стать космонавтом, чтобы улететь туда, где нет криков, нет запаха пе-

регара и тяжёлой обязанности быть взрослым в десять лет. Сейчас космос казался такой же далёкой мечтой, как и нормальная жизнь, которая, наверное, никогда не настанет.

Водитель припарковался, бросил короткий взгляд в зеркало заднего вида и сказал:

— Приехали. Оплата прошла.

Артём очнулся от нахлынувших воспоминаний и, не говоря ни слова, вышел из машины.

Прохлада коснулась его разгорячённого лица, отрезвила на мгновение, но тяжесть в голове и груди не отступала. Он поднял взгляд на окна своей квартиры — там, как всегда, было темно и одиноко.

Артём поднялся на лифте, отпер дверь и вошёл в квартиру. Он вернулся к себе и, оцепенение сковало его. Выходить из этих стен он уже не хотел.

Полумрак окутал его жильё на несколько дней. Шторы были плотно закрыты — только узкая щель в ткани впускала луч света, в котором без устали кружились пылинки. На столе застыли символы его нынешнего существования: блистер с транквилизаторами, полупустая бутылка пива, две одинокие таблетки. Он скользнул взглядом по комнате, пропитанной тяжёлым запахом застоявшегося воздуха, плесени и нестираного белья, и в голове всплыло: «Два года назад всё начиналось... Тогда проявления были редкими, раз в несколько месяцев. А теперь... теперь они почти не отпускают». А на стене календарь бесстрастно отсчитывал: четырёх-

надцать дней до двадцатилетия.

Артём всё ещё лежал в кровати, хотя за окном день незаметно перетекал в вечер. Он отпил выдохшееся пиво — тёплый алкоголь на языке отдал химической горечью, покалывая нёбо. Артём не вставал с самого утра и весь день провёл в полудрёме, прогуливая учёбу и игнорируя звонки. Где-то в глубине сознания всплывали мысли о пропущенных лекциях, вопросах одногруппников, преподавателе, который наверняка отметит его отсутствие. Всё это потеряло для него смысл. Он больше ни о чём не мог волноваться — всё, кроме собственного состояния, не имело для него значения.

Он перевернулся на бок и потянулся к тумбочке. Под грудой учебников он нащупал фотоальбом, к которому всегда обращался, когда чувствовал себя одиноко. Артём провёл рукой по гладкой обложке, на которой была выцветшая надпись: «Наша семья», и открыл его.

На первой фотографии была его мама — молодая, улыбающаяся, держащая его на руках. Артёму на этом снимке было лет пять, а рядом стоял отец — ещё не такой жестокий, он тоже улыбался.

Артём провёл пальцем по фотографии и вдруг осознал, что почти не помнил свою маму. Только ощущение тепла, запах духов и тот день, когда она просто ушла, оставив лишь это фото, и чувство, что его бросили.

Мысленно он обратился к изображению на снимке: «Почему ты оставила меня? Ты знала, что со мной что-то не

так?»

Неожиданно тишину в квартире разорвал знакомый рингтон телефона. Экран высветил имя соседки. Голос в трубке прозвучал сухо, почти презрительно:

— Иди забирай своего... Опять нажрался! Третий день дверь не открывает. Надеюсь, не помер.

— Скоро буду, — устало вздохнул Артём.

Несколько секунд он лежал неподвижно, затем захлопнул альбом, отбросил его в сторону и с усилием поднялся. Движения его были замедленными, неуверенными. Он оделся на ощупь, будто в полусне, и вышел на улицу.

На улице Артём остановился на мгновение, вдохнул поток холодного воздуха, поёжился и решительно зашагал пешком к знакомому дому. Тот стоял неподалёку — через дорогу и два двора. Он шёл быстро, почти бегом, словно надеялся, что движение поможет ему найти ответы на тревожащие его вопросы.

Артём вставил ключ, стараясь сдержать дрожь в руках — пальцы дрожали так сильно, что ключ чуть не выскользнул из ладони. Поворот ключа и глухой лязг прозвучал в тишине подъезда. Замок щёлкнул, Артём толкнул дверь, и та медленно, со скрипом, приоткрылась. Он вошёл в прихожую и замер на мгновение, ощущая, как по спине пробежал холодок, затем сморщил нос. В воздухе висел неприятный запах — затхлости и чего-то прокисшего, будто что-то гнило где-то за стенами, медленно разлагаясь. Он прошёл вглубь

квартиры.

В комнате на краю дивана сидел отец Артёма: майка в жёлтых разводах, лицо оплыло, веки отекли, оставив лишь узкие щёлки вместо глаз. Кожа на шее отца покрылась сероватой сеткой лопнувших сосудов. Дыхание его было частым и поверхностным, рот приоткрыт, с уголка губ свисала тонкая нить слюны.

Артём подошёл к нему. Пол скрипнул под его ногами, но отец продолжил спать. Взял отца под локоть, поднял рывком и почувствовал, как тот обмяк и едва держится на ногах.

— Ну сколько можно, папа? — произнёс Артём глухо, почти без выражения.

Он обхватил отца за спину и повёл по узкому коридору, заваленному пустыми бутылками, скомканными пачками сигарет, обрывками бумаг. Они добрались до кровати, на которой валялось грязное одеяло.

Отец бормотал что-то бессвязное и вдруг заорал:

— Лапы убрал!

Он оттолкнул Артёма, теряя равновесие.

— К чёрту... прибить?

Артём уложил отца на кровать. Его тяжёлый, прерывистый храп раздался почти сразу. Артём выпрямился, чувствуя, как ноют мышцы — каждый сантиметр тела напоминал о десятках раз, когда он проделывал это прежде. Машинально он потёр шрам на запястье — старый ожог от утюга, полученный в детстве. Отец тогда, забавляясь, поднёс его

руку слишком близко к горячей подошве утюга, а бабушка, всплеснув руками, закричала... Всё это было давно, но шрам покалывал так же, как и раньше, напоминая, что некоторые вещи никогда не меняются.

В этот момент в прихожей раздался скрип двери, и на пороге появился дядя Сергей, брат отца, лет пятидесяти, коренастый, с усталым, но решительным лицом.

— Мне тоже соседка позвонила, — с усталой досадой бросил дядя Сергей.

Он окинул комнату быстрым взглядом и направился к захламлённому углу.

— Давай-ка разберём тут всё, — произнёс дядя негромко, но твёрдо, с явной брезгливостью в голосе. — Это какой-то позор, а не жизнь... отвратительно всё это!

Дядя принялся методично разбирать хлам, морщась от отвращения. Взял пакет для мусора и начал складывать в него бутылки, коробки, окурки. Артём собрал всю посуду, которая, казалось, неделями стояла грязной, и отправился на кухню её мыть.

Когда Артём вернулся в комнату, он увидел, что дядя изучает какую-то записную книжку.

— Бабы рассказни какие-то тут... — дядя поспешно захлопнул книгу и положил её обложкой вниз. Голос его чуть дрогнул, хотя он старался говорить насмешливо. — Бабуля, царство ей небесное, любила пофантазировать. То ангелы ей являлись, то предки с советами... Полная чушь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.